

О СУДЕБНЫХ АКТАХ КАССАЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ, ПЕРЕСМОТРЕННЫХ В ПЕРВОМ ПОЛУГОДИИ 2018 ГОДА КАССАЦИЕЙ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В соответствии с пунктом 2.2 Плана работы Арбитражного суда Волго-Вятского округа на второе полугодие 2018 года отделом анализа и обобщения судебной практики и обеспечения судопроизводства Арбитражного суда Волго-Вятского округа проанализированы причины пересмотра судебных актов Арбитражного суда Волго-Вятского округа кассацией Верховного Суда Российской Федерации в первом полугодии 2018 года.

За первое полугодие 2018 года кассационной инстанцией Верховного Суда Российской Федерации пересмотрено десять постановлений Арбитражного суда Волго-Вятского округа, или 0,4 процента от общего количества рассмотренных дел. По сравнению с аналогичным периодом 2017 года данный показатель не изменился (отменено 10 постановлений округа, или 0,4 процента).

Исследование пересмотренных дел показало, что в шести случаях судебные акты отменены, дела направлены на новое рассмотрение, по двум делам оставлен в силе один из ранее принятых судебных актов, а по двум делам принят новый судебный акт.

В первом полугодии 2018 года по первому судебному составу отменены семь постановлений (в аналогичном периоде 2017 года – пять постановлений); по второму судебному составу постановления пересмотру не подвергались (в аналогичном периоде 2017 года – три постановления); по третьему составу отменено одно постановление (в первом полугодии 2017 года – два постановления); по четвертому составу отменено два постановления (в аналогичном периоде прошлого года постановления пересмотру не подвергались).

Заявление ответчика о применении положений статьи 333 Гражданского Кодекса Российской Федерации может быть сделано исключительно при рассмотрении дела судом первой инстанции или судом апелляционной инстанции в случае, если он перешел к рассмотрению дела по правилам, установленным для производства в суде первой инстанции.

Бюро (заказчик) и Общество (исполнитель) заключили договор на выполнение работ, срок окончания которых 30.01.2015.

Исполнитель выполнил работы и сдал их результат по акту от 01.03.2016.

Договором предусмотрено, что в случае нарушения исполнителем сроков выполнения работ исполнитель по требованию заказчика уплачивает заказчику единовременный штраф в размере 5 процентов от стоимости невыполненных в срок работ за каждый факт нарушения, а также пени в размере 0,3 процента от стоимости невыполненных в срок работ за каждый день просрочки начиная с четвертого дня просрочки.

Заказчик, ссылаясь на нарушение исполнителем сроков выполнения работ по договору, направил последнему претензию с требованием об уплате пеней и штрафа.

Неисполнение Обществом данного требования послужило основанием для обращения Бюро в арбитражный суд с иском.

Суд первой инстанции, установив факт выполнения Обществом работ с нарушением срока, пришел к выводу о наличии оснований для привлечения его к договорной ответственности в виде взыскания сумм пеней и штрафа. Ответчик не представил доказательств надлежащего исполнения либо неисполнения по независящим от него причинам обязательств, поэтому расчет размера пеней и штрафа

не оспаривал, о применении статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) не заявлял, и суд удовлетворил иски в полном объеме.

Суд апелляционной инстанции изменил решение суда, уменьшив сумму неустойки и указав при этом на злоупотребление истцом правом, выразившееся во включении в договор неправомерного условия об ответственности Общества.

Суд округа признал выводы апелляционного суда обоснованными.

Между тем суд апелляционной инстанции и суд округа не учли следующее.

Согласно разъяснениям, изложенным в пункте 71 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» (далее — Постановление № 7), если должником является коммерческая организация, индивидуальный предприниматель, а равно некоммерческая организация при осуществлении ею приносящей доход деятельности, снижение неустойки судом допускается только по обоснованному заявлению такого должника, которое может быть сделано в любой форме (пункт 1 статьи 2, пункт 1 статьи 6, пункт 1 статьи 333 ГК РФ).

Заявление ответчика о применении положений статьи 333 ГК РФ может быть сделано исключительно при рассмотрении дела судом первой инстанции или судом апелляционной инстанции в случае, если он перешел к рассмотрению дела по правилам производства в суде первой инстанции (пункт 72 Постановления № 7).

С учетом изложенного у суда апелляционной инстанции не имелось оснований для снижения по своей инициативе суммы пеней и штрафа, начисленных в соответствии с условиями договора.

Реализация кредитором основанного на договоре права на взыскание неустойки, размер которой согласован участниками договора, не может быть признана злоупотреблением правом, влекущим применение последствий, предусмотренных статьей 10 ГК РФ.

Ответчик не представил в материалы дела доказательств того, что заключение договора в редакции, предложенной истцом, являлось для него вынужденным.

Судебная коллегия пришла к выводу, что суд первой инстанции, установив факт нарушения сроков выполнения работ ответчиком, который не оспорил иски в полном объеме, ни по существу, ни по размеру, не представил ходатайство о применении статьи 333 ГК РФ, правомерно удовлетворил иски в полном объеме.

Постановления судов апелляционной и кассационной инстанций подлежат отмене, как принятые с существенными нарушениями норм материального права, а решение суда первой инстанции — оставлению в силе (дело № А43-26319/2016).

Указание лицом в договоре неверного адреса не может являться основанием для возложения на другое лицо обязанности по самостоятельному поиску информации об адресах и иных сведениях о лицах, заключивших договор.

Общество и Индивидуальный предприниматель (далее — перевозчик, Предприниматель) заключили договор перевозки грузов.

Согласно договору стороны согласовали обязательный досудебный порядок урегулирования спора. В договоре указано, что все неурегулированные в претензионном порядке споры, возникающие из договора, подлежат разрешению в суде по месту нахождения истца или в третейском суде.

В связи с несоблюдением перевозчиком условий договора, Общество направило Предпринимателю претензию.

Не получив ответа на претензию, Общество обратилось в третейский суд с исковым заявлением к Предпринимателю о взыскании убытков в связи со срывом сроков перевозки.

Решением третейского суда исковое заявление удовлетворено (далее — третейское решение).

Третейское решение Предпринимателем не исполнено, поэтому Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение данного решения.

Определением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда округа, в удовлетворении заявления отказано.

По мнению судов, Общество ненадлежащим образом исполнило обязанность, предусмотренную договором и Федеральным законом от 08.11.2007 № 259-ФЗ «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» (далее – Закон № 259-ФЗ): в претензии, направленной Предпринимателю, адрес места нахождения перевозчика указан не полностью, а именно номер квартиры в многоквартирном доме не обозначен, что и явилось причиной неполучения Предпринимателем претензии.

Таким образом, по мнению судов, недобросовестное поведение Общества нарушило публичный порядок Российской Федерации и ограничило право Предпринимателя на защиту своих законных интересов путем участия в досудебных процедурах урегулирования спора.

Между тем судами не учтено следующее.

При рассмотрении настоящего дела суды указали на то, что почтовые адреса сторон указаны в реквизитах договора. Адрес, по которому Общество направляло претензию, соответствует адресу, указанному Предпринимателем в договоре.

Реквизиты сторон указаны в соответствии с их волеизъявлением, иного сторонами не заявлено.

Следовательно, Общество добросовестно исполнило обязанность, установленную пунктом 2 статьи 39 Закона № 259-ФЗ.

Указание лицом в договоре неверного адреса не может являться основанием для возложения на другое лицо обязанности по самостоятельному поиску информации об адресах и иных сведениях о лицах, заключивших договор.

Довод Предпринимателя о возможности направить претензию иным способом (так как договор, по мнению Предпринимателя, предполагал и иные способы связи, кроме почтовой) нельзя признать обоснованным.

При заключении договора стороны вправе указать различные способы для контактов и связи, использование которых будет наиболее удобным для сторон.

Вместе с тем, в таких случаях лицо имеет право использовать любой способ связи, предусмотренный договором. Следовательно, факт неиспользования иных возможных способов связи не свидетельствует о недобросовестном поведении Общества при направлении претензии Предпринимателю посредством почтовой связи.

Обжалуемые судебные акты подлежат отмене, требования Общества — удовлетворению (дело № А38-2183/2017).

Основанием для применения инвесторами налоговых вычетов в отношении объектов, переданных им по окончании строительства, являются счета-фактуры, выставяемые не только подрядными организациями, но и застройщиками в порядке перевыставления соответствующих счетов-фактур, в соответствии с пунктом 3 статьи 168 Налогового кодекса Российской Федерации.

Между Предприятием и Обществом (далее — налогоплательщик, заявитель) заключен инвестиционный контракт, согласно которому Предприятие выступает в качестве «заказчика-застройщика» (далее — «Инвестор-1»), а Общество является «Инвестором-2». Предметом инвестиционного контракта является жилой дом переменной этажности.

Дополнительным соглашением к инвестиционному контракту добавлен пункт, согласно которому «Инвестор-2» по согласованию с «Инвестором-1» самостоятельно напрямую осуществляет финансирование строительства объекта по своей части контракта путем перечисления денежных средств генподрядчику за выполненные строительно-монтажные работы.

На основании инвестиционного контракта и дополнительного соглашения между субъектами инвестиционной деятельности заключены договоры о долевом строительстве жилого дома переменной этажности со встроенно-пристроенными предприятиями обслуживания, согласно которым застройщик (Предприятие) обязуется в установленный договором срок, своими силами и (или) с привлечением других лиц построить (создать) жилой дом и после получения разрешения на ввод объекта в эксплуатацию передать Обществу магазин и конференц-залы со встроенно-пристроенными предприятиями обслуживания (далее — «объекты»), а Общество обязуется уплатить обусловленную договором цену и принять «объекты».

По результатам завершения строительства объекты были переданы Обществу по актам приема-передачи помещений от 05.11.2014, введены в эксплуатацию и приняты заявителем на учет в четвертом квартале 2014 года. Оплата по договорам участия в долевом строительстве произведена зачетом встречных денежных требований между Обществом и Предприятием.

На основании счетов-фактур, полученных от подрядных организаций по выполненным строительно-монтажным работам и от поставщиков товаров (работ, услуг), Предприятие выставило Обществу сводный счет-фактуру от 05.11.2014 на сумму 55 584 000 рублей, в том числе налог на добавленную стоимость (далее — НДС) в размере 6 583 719 рублей 88 копеек. На основании указанного счета-фактуры Обществом принят к вычету НДС за четвертый квартал 2014 года в размере 6 241 635 рублей.

По результатам выездной налоговой проверки по вопросам правильности начисления и своевременности уплаты налогов и сборов за период с 01.01.2012 по 31.12.2014 налоговым органом вынесено решение от 23.05.2016 № 16-10/111, согласно которому Обществу доначислен НДС в размере 128 425 рублей, а также соответствующие суммы пеней и штрафа, предусмотренного пунктом 1 статьи 122 Налогового кодекса Российской Федерации (далее — НК РФ). Кроме того, указанным решением налогоплательщику предложено уменьшить заявленный к возмещению из бюджета НДС в сумме 6 241 635 рублей.

Данное решение было впоследствии отменено вышестоящим налоговым органом в части начисления пеней по НДС в сумме 3 105 рублей 19 копеек.

Не согласившись с решением налогового органа, заявитель обратился в суд.

Решением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражных судов апелляционной и кассационной инстанций, заявленное требование удовлетворено частично: оспариваемое решение налогового органа признано недействительным в части привлечения Общества к ответственности по пункту 1 статьи 122 НК РФ в виде штрафа в размере 9 632 рублей за неуплату НДС, в удовлетворении остальной части заявленного требования отказано.

Отказывая в удовлетворении заявления, суды трех инстанций исходили из того, что передача объектов долевого строительства не является объектом обложения НДС,

следовательно, у Общества отсутствовало право на применение спорного налогового вычета.

Между тем судами не учтено следующее.

Согласно подпункту 1 пункта 1 статьи 146 НК РФ объектом налогообложения по НДС признается реализация товаров (работ, услуг) на территории Российской Федерации, а также передача имущественных прав. При этом пунктом 1 статьи 39 НК РФ установлено, что реализацией товаров, работ или услуг организацией признается соответственно передача на возмездной основе (в том числе обмен товарами, работами или услугами) права собственности на товары, результатов выполненных работ одним лицом для другого лица, возмездное оказание услуг одним лицом другому лицу, а в случаях, предусмотренных Кодексом, передача права собственности на товары, результатов выполненных работ одним лицом для другого лица, оказание услуг одним лицом другому лицу — на безвозмездной основе.

В силу названных норм выполнение подрядными организациями строительно-монтажных работ, включая поставку товаров, оказание услуг, признается объектом налогообложения НДС и влечет возникновение у указанных лиц обязанности по уплате налога в бюджет. Источником для уплаты НДС является соответствующий налог, предъявляемый дополнительно к цене реализуемых товаров (работ, услуг).

В свою очередь, у налогоплательщиков, приобретающих товары, работы, услуги для осуществления операций, признаваемых объектом налогообложения в соответствии с главой 21 НК РФ, возникает право на применение вычетов по НДС при соблюдении порядка, установленного статьями 171 и 172 НК РФ.

Статьей 172 НК РФ установлено, что налоговые вычеты, предусмотренные статьей 171 настоящего Кодекса, производятся на основании счетов-фактур, выставленных продавцами при приобретении налогоплательщиком товаров (работ, услуг), имущественных прав.

На основании абзаца первого пункта 6 статьи 171 НК РФ вычетам подлежат, в частности, суммы налога, предъявленные налогоплательщику подрядными организациями (застройщиками или техническими заказчиками) при проведении ими капитального строительства.

Судами установлено и подтверждается материалами дела, что спорные объекты приняты Обществом по акту приема-передачи, введены в эксплуатацию и используются заявителем в своей предпринимательской деятельности. Сводный счет-фактура соответствует требованиям, установленным статьей 169 НК РФ.

Из разъяснений, изложенных в пункте 22 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.05.2014 № 33 «О некоторых вопросах, возникающих у арбитражных судов при рассмотрении дел, связанных с взиманием налога на добавленную стоимость», следует, что возникновение у налогоплательщика, являющегося инвестором, права на налоговый вычет не зависит от того, в каком порядке осуществляются расчеты за выполнение подрядных работ и, соответственно, кто предъявил ему к уплате упомянутые суммы — непосредственно подрядная организация или застройщик (технический заказчик).

Таким образом, основанием для применения инвесторами налоговых вычетов в отношении объектов, переданных им по окончании строительства, являются счета-фактуры,ставляемые не только подрядными организациями, но и застройщиками в порядке перевыставления соответствующих счетов-фактур в соответствии с пунктом 3 статьи 168 НК РФ.

Налоговым органом не оспаривается, что, выступая застройщиком при строительстве спорных объектов, Предприятие учитывало расходы по строительству жилого дома со встроено-пристроенными объектами на своем балансе, а также вело

учет взаимных расчетов с поставщиками, подрядчиками и учет взносов по инвестированию строительства, формируя, таким образом, стоимость объекта строительства. При этом полученные средства не являлись расходами застройщика, поскольку производились в интересах инвесторов для последующей передачи последним законченного строительством объекта.

При таких обстоятельствах Общество, получившее от застройщика сводный счет-фактуру, имело все основания для предъявления к вычету соответствующих сумм НДС. То обстоятельство, что передача объектов долевого строительства от застройщика не является объектом обложения НДС, равно как и то, что налогоплательщик не являлся непосредственным покупателем работ по возведению объекта капитального строительства, выполненных подрядчиками, не является основанием для отказа в удовлетворении заявленных требований.

С учетом изложенного судебные акты арбитражных судов первой, апелляционной и кассационной инстанций подлежат отмене в оспариваемой Обществом части, как принятые с существенными нарушениями норм материального права, повлиявшими на исход дела, а заявленное Обществом требование — удовлетворению (дело № А79-8152/2016).

При привлечении юридического лица к публично-правовой ответственности по причине недобросовестного и (или) неразумного поведения директора с такого руководителя могут быть взысканы убытки, понесенные юридическим лицом. При этом по делам о возмещении убытков их размер определяется по общим правилам пункта 2 статьи 15 Гражданского кодекса Российской Федерации: юридическое лицо, чье право нарушено, вправе требовать возмещения, в том числе, расходов, которые оно произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права.

Решением налогового органа, вынесенным по результатам проведенной в отношении Общества выездной налоговой проверки за период с 01.01.2008 по 31.12.2010, ему доначислены налоги в общей сумме 5 022 764 рубля, пени в сумме 1 473 886 рублей 12 копеек, а также данное лицо привлечено к налоговой ответственности за совершение налогового правонарушения в виде штрафа в сумме 361 191 рубля.

В проверяемый период полномочия руководителя должника исполняла Ф.

Впоследствии решением арбитражного суда первой инстанции от 16.07.2014 Общество признано несостоятельным (банкротом), в отношении него открыто конкурсное производство.

Конкурсный управляющий Обществом на основании пункта 3 статьи 53 ГК РФ (здесь и далее в редакции, действовавшей в спорный период) обратился в суд с заявлением о возмещении бывшим руководителем Ф. убытков в размере налоговой недоимки, пеней и штрафа.

Суды первой и апелляционной инстанций признали доказанным недобросовестное поведение Ф. в качестве руководителя и установили наличие причинно-следственной связи между этим поведением и привлечением Общества к ответственности в виде штрафа, дополнительным начислением ему пеней (статьи 75 и 122 НК РФ). Суды пришли к выводу о том, что при должном исполнении Ф. обязанностей руководителя соответствующих обязательств не возникло бы. В настоящее время требования уполномоченного органа в размере задолженности по пеням и штрафу включены в реестр требований кредиторов общества.

Суд округа, отказывая в удовлетворении требования арбитражного управляющего в этой части, счел, что Обществу реальный ущерб не причинен,

поскольку оно фактически не уплатило пени и штраф и не имеет возможности уплатить эти суммы в ходе конкурсного производства из-за недостаточности имущества для проведения расчетов с кредиторами.

Между тем судом округа не учтено следующее.

Единоличный исполнительный орган отвечает перед юридическим лицом за причиненные убытки, если необходимой причиной их возникновения послужило недобросовестное и (или) неразумное осуществление руководителем возложенных на него полномочий (пункт 3 статьи 53 ГК РФ, статья 44 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»). В частности, при привлечении юридического лица к публично-правовой ответственности (налоговой, административной и т.п.) по причине недобросовестного и (или) неразумного поведения директора с такого руководителя могут быть взысканы понесенные юридическим лицом убытки. Соответствующие разъяснения содержатся в пункте 4 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» (далее — постановление № 62).

Суд округа не принял во внимание, что по делам о возмещении директорами убытков их размер определяется по общим правилам пункта 2 статьи 15 ГК РФ (абзац первый пункта 6 постановления № 62): юридическое лицо, чье право нарушено, вправе требовать возмещения, в том числе, расходов, которые оно произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права. Это означает, что в результате возмещения убытков хозяйственное общество должно быть поставлено в то положение, в котором оно находилось бы, если бы его право не было нарушено.

Применительно к рассматриваемому случаю до совершения Ф. действий, связанных с искажением документации, Общество не имело долговых обязательств перед бюджетом по пеням и штрафу. Возврат Общества в состояние, существовавшее до нарушения права, предполагает восстановление прежней структуры его баланса (пусть и отрицательной, но без неправомерного вмешательства в нее Ф.), то есть снижение за счет руководителя совокупного размера обязательств Общества на сумму дополнительных долгов по санкциям, возникших из-за действий бывшего руководителя. Поэтому Ф. должна выплатить Обществу денежную компенсацию, размер которой равен сумме привнесенных ею долгов и не зависит от соотношения активов Общества и иных его обязательств.

В связи с тем, что судом округа допущены существенные нарушения норм материального права, без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав и законных интересов участвующих в деле о банкротстве Общества лиц, постановление окружного суда подлежит отмене с оставлением в силе определения суда первой инстанции и постановления суда апелляционной инстанции (дело № А43-15211/2014).

В силу системного толкования пунктов 1 и 3 статьи 725 Гражданского кодекса Российской Федерации срок исковой давности для требований, предъявляемых в связи с ненадлежащим качеством работы, выполненной по договору подряда, является специальным по отношению к статье 200 Гражданского кодекса Российской Федерации и составляет один год. При этом если договором подряда установлен гарантийный срок, и заявление по поводу недостатков результата работы сделано в пределах гарантийного срока, то течение срока исковой давности начинается со дня заявления о недостатках.

Как следует из материалов дела и установлено судами, 19.10.2012 между Заводом (подрядчик) и Компанией (заказчик) заключен договор на выполнение работ

по ремонту деталей, узлов, колесных пар грузовых вагонов (далее — договор), по условиям которого заказчик поручает и обязуется оплатить, а подрядчик принимает на себя обязательства производить плановые виды ремонта принадлежащих заказчику грузовых вагонов.

Согласно договору подрядчик несет ответственность за качество выполненных работ в соответствии с законодательством Российской Федерации в случае, если в течение гарантийного срока на колесные пары, детали и узлы обнаружены технологические дефекты, определенные в Классификаторе неисправностей грузовых вагонов (К ЖА 2005 04), возникшие в процессе эксплуатации грузовых вагонов вследствие недоброкачественного ремонта. Документами, необходимыми и достаточными для предъявления претензии, являются акт рекламации формы ВУ-41М и документы, подтверждающие оплату выполненных работ.

Во исполнение договора подрядчик провел текущий ремонт колесной пары № 0039-48472-79, подкаченной под грузовой вагон № 56027618, на сумму 16 625 рублей 45 копеек, о чем стороны составили акт о выполненных работах от 30.03.2015 № 73.

15.06.2015 вагонным эксплуатационным депо филиала ОАО «РЖД» (далее - ОАО «РЖД», перевозчик) вагон № 56027618 был отцеплен в текущий ремонт.

Согласно акту-рекламации от 15.06.2015 № 1249 по форме ВУ-41М, а также акту выполненных работ от 17.06.2015 № 618, подписанному Компанией и ОАО «РЖД», неисправность вагона возникла вследствие недоброкачественно выполненных работ по плановому ремонту; виновным в неисправности признан Завод; стоимость устранения недостатков составила 21 369 рублей 03 копейки; работы по устранению дефектов оплачены Компанией по платежному поручению от 26.05.2015.

Во исполнение претензионного порядка урегулирования споров, предусмотренного договором, 31.07.2015 Компания обратилась к Заводу с претензией о возмещении понесенных расходов. Претензия получена Заводом 20.08.2015.

Завод 29.10.2015 отказал в удовлетворении претензии, что послужило основанием для обращения Компании 22.07.2016 (дата почтового штампа на конверте) в арбитражный суд с иском.

Удовлетворяя требования заказчика на основании статей 15, 393, 721, 722, 723, 725 ГК РФ, суды исходили из установленных по делу обстоятельств ненадлежащего исполнения подрядчиком обязательств по проведению текущего ремонта вагона № 56027618, его вины в причинении убытков, причинно-следственной связи между действиями заявителя и возникшими на стороне заказчика убытками.

Отклонив довод заявителя о пропуске срока исковой давности с учетом статей 200, 725 ГК РФ, суды пришли к выводу о том, что право заказчика на иск возникло с даты получения подрядчиком претензии с требованием о возмещении расходов, то есть с 20.08.2015.

Между тем судами не учтено следующее.

В силу системного толкования пунктов 1 и 3 статьи 725 ГК РФ срок исковой давности для требований, предъявляемых в связи с ненадлежащим качеством работы, выполненной по договору подряда, является специальным по отношению к статье 200 ГК РФ и составляет один год. При этом если договором подряда установлен гарантийный срок и заявление по поводу недостатков результата работы сделано в пределах гарантийного срока, течение срока исковой давности начинается со дня заявления о недостатках (Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации № 2 (2016), утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 06.07.2016).

Практика взаимоотношений сторон при расследовании причин отцепки грузового вагона и ведении рекламационной работы описана в соответствующих

регламентах перевозчика, после изучения которых судебная коллегия пришла к выводу, что между участниками отношений в сфере железнодорожного транспорта существует четкая схема взаимодействия.

В процесс отслеживания работоспособности железнодорожных вагонов и выхода их из строя в пути следования вовлечены все заинтересованные в этом лица: собственник вагона; лицо, производившее деповской ремонт; поставщик определённой части (узла, детали); завод-изготовитель вагона; соответствующие подразделения ОАО «РЖД», производящие отцепочный ремонт и осуществляющие рекламационную работу.

Итоговым документом, определяющим причины возникновения дефектов, а также предприятие, виновное в возникновении данных дефектов, является акт – рекламация формы ВУ-41М, на составление которого подрядчик был вызван перевозчиком телеграммой 16.06.2015. Обязательное составление акта-рекламации по форме ВУ-41М установлено договором, а одним из документов, необходимых и достаточных для предъявления претензии, и является упомянутый акт.

В акте-рекламации от 15.06.2016 № 1249 по форме ВУ-41М отражено, что неисправность вагона возникла вследствие недоброкачественно выполненных работ по плановому ремонту, виновным в неисправности признан завод.

Следовательно, в случае системного толкования норм, регулирующих процесс отправки вагонов в отцепочный ремонт, и с учетом специфики взаимоотношений сторон судебная коллегия пришла к выводу, что в качестве заявления о недостатках применительно к статье 725 ГК РФ, с момента представления которого следует исчислять годичный срок исковой давности, следует рассматривать уведомление подрядчика, направленное ОАО «РЖД», осуществившим ремонт неисправного вагона и действовавшим, в том числе, в интересах заказчика, обеспечив выполнение им обязанности по предотвращению возможного причинения вреда в результате неисправности вагонов.

На основании изложенного вывод судов об исчислении срока исковой давности с момента вручения претензии является ошибочным, так как в пункте 3 статьи 725 ГК РФ не определена обязательная форма заявления о недостатках, начало течения срока исковой давности не связано с моментом направления или вручения претензии заказчика подрядчику об оплате понесенных расходов. Иное приведет к тому, что истец будет обладать возможностью произвольно изменять начало исчисления срока исковой давности своим односторонним действием, путем выбора момента оплаты понесенных расходов и (или) направления соответствующей претензии.

Вместе с тем договором и частью 5 статьи 4 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) установлен обязательный претензионный порядок урегулирования споров. Срок рассмотрения претензии — тридцать календарных дней с даты получения претензии, определенной по почтовому штемпелю на конверте.

Согласно пункту 3 статьи 202 ГК РФ, пункту 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.09.2015 № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности», течение срока исковой давности приостанавливается, если стороны прибегли к несудебной процедуре разрешения спора, обращение к которой предусмотрено законом, в том числе к обязательному претензионному порядку. В этих случаях течение исковой давности приостанавливается на срок, установленный законом для проведения этой процедуры, а при отсутствии такого срока — на шесть месяцев со дня начала соответствующей процедуры.

Компания 31.07.2015 в целях внесудебного разрешения спора обратилась к Заводу с соответствующей претензией, которую он получил 20.08.2015. Срок ответа на претензию, установленный договором – 20.09.2015.

Указанный период времени не засчитывается в срок исковой давности по делу. Однако данный вывод не нашел своего отражения в обжалуемых судебных актах.

Не установлен судами и момент первоначального направления ОАО «РЖД» сторонам акта-рекламации от 15.06.2016 № 1249 по форме ВУ-41М.

Не проверены доводы подрядчика о том, что стороны спорных отношений имели доступ к электронной базе данных перевозчика, в которой ведется учет соответствующих операций по отцепке вагонов. Если эти доводы соответствуют действительности и в базу данных включены сведения о недоброкачественном ремонте, то с момента размещения данных сведений заявление о недостатках считается поданным.

С учетом указанных обстоятельств, обжалуемые судебные акты подлежат отмене с направлением дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции (дело № А82-10236/2016).

В ситуации принятия единственным участником хозяйственного общества формального решения об увеличении уставного капитала за счет дополнительного вклада третьего лица судам надлежит проверить факт внесения (невнесения либо внесения символического вклада) этим третьим лицом реального дополнительного вклада.

Предприниматель являлся единственным участником Общества.

Определением арбитражного суда от 14.07.2014 в отношении Предпринимателя введена процедура наблюдения. По правилам пункта 1 статьи 207 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве) наложен арест на принадлежащее должнику имущество и имущественные права, в том числе, на доли участия в Обществе.

Затем на основании решения Предпринимателя от 27.08.2014 и заявления третьего лица от 27.08.2014 указанное третье лицо было введено в состав участников Общества с 50-процентной долей участия, доля Предпринимателя уменьшилась до 50 процентов. Данные действия совершены со ссылкой на увеличение уставного капитала Общества за счет внесенного третьим лицом дополнительного вклада.

Впоследствии на основании заявления Предпринимателя от 04.09.2014 о выходе из Общества его 50-процентная доля участия перешла к Обществу и была перераспределена в пользу третьего лица, ставшего обладателем 100-процентной доли участия в Обществе.

Решением арбитражного суда первой инстанции от 22.12.2014 должник признан несостоятельным (банкротом), в отношении его имущества открыта процедура конкурсного производства.

Конкурсный управляющий имуществом должника и уполномоченный орган обратились в суд с требованием о признании недействительными взаимосвязанных сделок по передаче третьему лицу прав участия в Обществе под видом увеличения уставного капитала упомянутого Общества. Заявители сослались на совершение данных сделок в период действия ограничений на распоряжение имуществом должника, их нацеленность на исключение из конкурсной массы ликвидного актива во вред кредиторам.

Удовлетворяя требования в части, суды исходили из того, что выход Предпринимателя из Общества, повлекший за собой переход прав на уменьшенную к тому времени долю сначала к Обществу, а затем к третьему лицу, совершен с

нарушением пункта 1 статьи 207 Закона о банкротстве, в период действия ареста, что на основании пункта 1 статьи 174.1 ГК РФ и с учетом разъяснений, содержащихся в пункте 11 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.06.2011 № 51 «О рассмотрении дел о банкротстве индивидуальных предпринимателей», влечет за собой недействительность соответствующих сделок, направленных на перераспределение принадлежащей должнику 50-процентной доли участия.

Суды посредством применения последствий недействительности данных сделок, по сути, восстановили права Предпринимателя на долю участия в Обществе, уменьшенную вследствие увеличения уставного капитала до 50 процентов.

В этой части судебные акты не обжалуются.

Отказывая в удовлетворении требований о признании недействительными сделок, связанных с увеличением уставного капитала Общества за счет внесения дополнительного вклада третьего лица и введением его в состав участников, суды сочли, что снижение номинальной стоимости изначально принадлежащей Предпринимателю доли не произошло, и, как следствие, не возникли вредоносные последствия для кредиторов должника.

Между тем судами не учтено следующее.

Сам по себе тот факт, что после принятия решения об увеличении уставного капитала и введении в состав участников третьего лица не изменилась номинальная стоимость доли участия Предпринимателя в Обществе, не свидетельствует ни о действительности соответствующих сделок, ни об отсутствии нарушения прав кредиторов.

Размер причитающегося кредиторам удовлетворения определяется не номинальной, а рыночной стоимостью доли участия, принадлежащей Предпринимателю. При этом рыночная стоимость доли зависит, в частности, от величины чистых активов хозяйственного общества, размера данной доли в процентах.

Поэтому для разрешения вопроса о причинении сделками вреда кредиторам судам следовало проанализировать изменение рыночной стоимости доли Предпринимателя в результате совершения спорных операций по увеличению уставного капитала.

Более того, в обоснование заявленных требований конкурсный управляющий имуществом должника и уполномоченный орган ссылались, в том числе на то, что последовательно совершенные в короткий промежуток времени сделки по увеличению уставного капитала Общества, приему в это Общество третьего лица, выходу Предпринимателя из упомянутого Общества и передаче его уменьшенной доли третьему лицу являлись взаимосвязанными, притворными, прикрывающими сделку по прямому отчуждению Предпринимателем 100-процентой доли участия в Обществе третьему лицу в целях избежания обращения взыскания на данную долю в конкурсном производстве.

Как указали заявители, 100-процентная доля участия в Обществе имела высокую рыночную стоимость. Названному Обществу принадлежали значительные ликвидные активы.

По мнению заявителей, прикрываемая сделка также являлась недействительной как на основании пункта 1 статьи 174.1 ГК РФ (как сделка, совершенная в нарушение запрета, ограничения на распоряжение имуществом, вытекающих из законодательства о несостоятельности (банкротстве)), так и на основании пункта 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве (как подозрительная сделка, совершенная в целях причинения вреда имущественным правам кредиторов).

Суды не проверили, внесен ли третьим лицом дополнительный вклад.

Если же во исполнение решения об увеличении уставного капитала за счет дополнительного вклада третьего лица последнее внесло вклад, равный номинальной стоимости полученной им доли, сделка по увеличению уставного капитала подлежит проверке на соответствие пункту 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве с учетом следующего.

По смыслу статьи 19 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Закон об обществах) увеличение уставного капитала общества за счет дополнительного вклада третьего лица, принимаемого в общество, направлено на привлечение хозяйственным обществом инвестиций в обмен на передачу инвестору другого актива — доли участия в хозяйственном обществе с увеличенным уставным капиталом.

При получении инвестором доли, наделяющей его имущественными и корпоративными правами, явно не соответствующими объему внесенного им дополнительного вклада, обмен ценностями не является эквивалентным. В этом случае, по сути, приобретение доли осуществляется инвестором как за счет его дополнительного вклада, так и за счет вложений в общество, сделанных ранее бывшим единственным участником, то есть происходит прирост активов инвестора за счет снижения актива бывшего единственного участника (уменьшения размера его доли в стоимостном выражении), причиняя тем самым вред кредиторам последнего.

К оспариванию подобных сделок, совершенных за счет должника, применяются положения главы Закона о банкротстве (пункт 1 статьи 61.1).

В нарушение положений статей 71, 168, 170 АПК РФ суды первой и апелляционной инстанций надлежащим образом не исследовали и не оценили доказательства, на которые ссылались конкурсный управляющий и уполномоченный орган в подтверждение своих доводов, что не позволило судам дать надлежащую правовую квалификацию возникших отношений.

Окружной суд не устранил допущенные судами первой и апелляционной инстанций нарушения.

Таким образом, определение суда первой инстанции, постановления судов апелляционной инстанции и округа подлежат отмене в обжалуемой части с направлением обособленного спора на новое рассмотрение в суд первой инстанции в отмененной части (дело № А31-4923/2014).

Действительность договора возмездного оказания услуг не свидетельствует об оказании по такому договору услуг надлежащего качества.

Общим собранием участников Компании принято решение от 20.12.2011 о передаче полномочий единоличного исполнительного органа управляющему — Обществу (далее — управляющее общество). Договор о передаче полномочий единоличного исполнительного органа управляющему обществу поручено подписать участнику Компании – К.-1.

В тот же день управляющим обществом в лице его руководителя и Компанией в лице К.-1. подписан договор о передаче полномочий единоличного исполнительного органа (далее — договор от 20.12.2011).

Договором от 20.12.2011 предусмотрено, что дополнительными соглашениями будет установлено вознаграждение управляющему обществу, определены порядок и сроки его выплаты.

Дополнительные соглашения к договору от 20.12.2011 подписаны 20.12.2011.

В дальнейшем управляющее общество уступило на основании договора цессии от 30.06.2015 свое требование к Компании об оплате услуг, оказанных по договору от 20.12.2011 К.-2.

Сославшись на фактическое оказание услуг по договору от 20.12.2011 и их неоплату со стороны Компании, К.-2 обратилась в суд с иском.

Удовлетворяя заявленное требование, суд первой инстанции исходил из того, что факт оказания услуг подтвержден двусторонними актами, актом сверки задолженности и признан Компанией в отзыве на иск.

Конкурсный кредитор Б. Компании обжаловал решение суда первой инстанции в суд апелляционной инстанции, сославшись на то, что на основании судебного акта по настоящему делу в реестр требований кредиторов Компании с удовлетворением в третью очередь включено требование К.-2 (вступившее в законную силу определение арбитражного суда от 23.08.2015 по делу № А31-11221/2015), являющееся необоснованным по причине недостоверности доказательств. Суд апелляционной инстанции отказал в удовлетворении жалобы Конкурсного кредитора Б., согласившись с выводами суда первой инстанции. Дополнительно суд указал на отсутствие доказательств оказания услуг по управлению иным лицом помимо управляющего общества, выполнения таким третьим лицом полномочий единоличного исполнительного органа производственной компании. Суд апелляционной инстанции также счел, что само по себе несогласие кредитора Б. с ценой услуг не влечет за собой ничтожность договора от 20.12.2011, при этом свидетельств злоупотребления правом при определении цены договора данный кредитор не представил.

Суд округа поддержал выводы суда первой инстанции.

Между тем судами не учтено следующее.

Пунктом 1 статьи 42 Закона об обществах предусмотрена возможность передачи полномочий единоличного исполнительного органа общества с ограниченной ответственностью управляющей организации.

Соглашение о передаче полномочий управляющей организации регулируется положениями главы 39 ГК РФ в части, не противоречащей законодательству о юридических лицах.

По смыслу приведенных норм Закона об обществах заказчиком услуг, оказываемых управляющей организацией, выступает само управляемое хозяйственное общество в лице его органа, принявшего решение о передаче третьему лицу функций единоличного исполнительного органа. Приемка оказанных услуг осуществляется в том же порядке — лицом, наделенным соответствующими полномочиями решением общего собрания участников управляемого общества либо решением его совета директоров (наблюдательного совета). Иной подход, допускающий участие управляющей организации при сдаче-приемке услуг как на стороне заказчика, так и на стороне исполнителя, противоречит существу отношений возмездного оказания услуг, поскольку влечет за собой совпадение заказчика и исполнителя в одном лице и свидетельствует об очевидном конфликте интересов.

В рассматриваемом случае кредитор Б. обратил внимание судов на то, что акты об оказании услуг по договору от 20.12.2011, отзыв на иск, в котором содержится признание требований, от имени Компании подписаны руководителем управляющего общества (правопредшественника К.-2).

Однако данные возражения, имеющие существенное значение для правильного разрешения спора, в нарушение требований статей 168 и 170 АПК РФ не получили какой-либо оценки со стороны судов.

Кроме того, правовая природа вознаграждения управляющей организации носит частноправовой встречный характер (пункт 1 статьи 328 ГК РФ). Если управляющий

ненадлежащим образом исполняет свои обязанности, то размер причитающегося ему вознаграждения может быть соразмерно уменьшен (абзац третий пункта 1 статьи 723, статья 783 ГК РФ).

Вопреки выводам судов сами по себе действительность договора от 20.12.2011 и исполнение управляющим обществом полномочий единоличного исполнительного органа производственной компании не свидетельствуют об оказании услуг надлежащего качества.

Как следует из части 1 статьи 4 АПК РФ, обращение лица в суд должно преследовать цель защиты его нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов.

По мнению кредитора Б., управляющее общество, выполняя функции единоличного исполнительного органа Компании, имело возможность беспрепятственного получения собственного вознаграждения. Ни оно, ни его правопреемник не привели разумные причины неполучения данного вознаграждения в течение длительного периода, не раскрыли истинных мотивов обращения в суд в отсутствие каких-либо разногласий между непосредственными участниками спорных правоотношений и внутреннего конфликта как такового. При этом ими не представлены все необходимые (исходя из приведенных обстоятельств) доказательства наличия задолженности (банковские выписки о расчетах между управляющим обществом и Компанией, бухгалтерские балансы Компании, составленные управляющим обществом и направленные им в уполномоченные государственные органы, в которых был бы отражен спорный долг, и т.д.)

Эти возражения кредитора Б. суды не проверили.

Допущенные судами нарушения норм права являются существенными, без их устранения невозможно восстановление и защита нарушенных прав и законных интересов кредиторов Компании, в связи с чем обжалуемые судебные акты подлежат отмене с направлением дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции (дело № А31-12051/2015).

В условиях аффилированности займодавца, заемщика и поручителя между собою на данных лиц в деле о банкротстве возлагается обязанность раскрыть разумные экономические мотивы совершения обеспечительной сделки (по результатам трех аналогичных споров).

20.03.2014 между С. (займодавец) и Р.-1 (заемщик) заключен договор займа, по условиям которого займодавец обязался передать заемщику 20 000 000 рублей.

Надлежащее исполнение заемщиком обязательств по возврату суммы займа было обеспечено поручительством должника на основании договора от 25.03.2014, заключенного с С.

Впоследствии С. (цедент) и Р.-2 (цессионарий) заключили договоры уступки прав требования от 26.12.2016 по договору займа от 20.03.2014 и договору поручительства от 25.03.2014.

В связи с тем, что заемщик и поручитель не исполнили обязательство по возврату суммы займа и в отношении поручителя (должника) возбуждено дело о банкротстве, Р.-2 обратился в суд с требованием о включении задолженности по договору в реестр требований кредиторов.

Разрешая спор, суды первой и апелляционной инстанций руководствовались статьями 16, 71, 201.9 Закона о банкротстве, статьями 361, 362, 363 и 807 ГК РФ, признали доказанными наличие и размер задолженности должника перед Р.2, в связи с чем включили заявленные требования в реестр.

Суды отклонили довод кредиторов должника о наличии в действиях сторон при заключении договора поручительства признаков злоупотребления правом. Суды указали, что на момент выдачи поручительства должник не отвечал признакам неплатежеспособности или недостаточности имущества; намерения признать должника банкротом ни у застройщика, ни у его дольщиков не имелось. Суды отметили, что в рассматриваемом случае договор поручительства являлся дополнительной гарантией перед займодавцем по заключенному договору займа, поскольку в дальнейшем стороны намеревались переоформить заемные отношения в отношения, вытекающие из договора долевого участия в строительстве детского сада в жилом комплексе, в связи с чем посчитали экономически целесообразным заключить договор поручительства.

Установив наличие у С. финансовой возможности для предоставления займа, а также передачу денежных средств (акт приема-передачи от 20.03.2014 и гарантийное письмо Р.-1 о возврате С. заемных средств по договору займа от 20.03.2014), суды отклонили довод кредиторов о безденежности займа.

С указанными выводами впоследствии согласился суд округа.

Между тем судами не учтено следующее.

Согласно сложившейся судебной практике наличие корпоративных либо иных связей между поручителем (залогодателем) и должником объясняет мотивы совершения обеспечительных сделок (постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 11.02.2014 № 14510/13). Получение поручительства от компании, входящей в одну группу лиц с заемщиком, с точки зрения нормального гражданского оборота является стандартной практикой, и потому указанное обстоятельство само по себе не свидетельствует о наличии признаков неразумности или недобросовестности в поведении кредитора даже в ситуации, когда поручитель испытывает финансовые сложности (определение Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2016 № 308-ЭС16-1475). Предполагается, что при кредитовании одного из участников группы лиц, в итоге, выгоду в том или ином виде должны получить все ее члены, так как в совокупности имущественная база данной группы прирастает.

В такой ситуации для констатации сомнительности поручительства должны быть приведены достаточно веские аргументы, свидетельствующие о значительном отклонении поведения займодавца от стандартов разумного и добросовестного осуществления гражданских прав, то есть фактически о злоупотреблении данным займодавцем своими правами во вред иным участникам оборота, в частности, остальным кредиторам должника (пункт 4 статьи 1 и пункт 1 статьи 10 ГК РФ). К их числу могут быть отнесены, в том числе следующие:

- участие кредитора в операциях по неправомерному выводу активов;
- получение кредитором безосновательного контроля над ходом дела о несостоятельности;
- реализация договоренностей между займодавцем и поручителем (залогодателем), направленных на причинение вреда иным кредиторам, лишение их части того, на что они справедливо рассчитывали (в том числе, не имеющее разумного экономического обоснования принятие новых обеспечительных обязательств по уже просроченным основным обязательствам в объеме, превышающем совокупные активы поручителя, при наличии у последнего неисполненных обязательств перед собственными кредиторами), и т.п. - определение Верховного Суда Российской Федерации от 28.12.2015 № 308-ЭС15-1607.

Применение упомянутого подхода для разрешения подобного рода споров от статуса кредитора по отношению к заемщику и поручителю.

В ситуации, когда кредитор является независимым от группы заемщика лицом, предоставленные в виде займа денежные средства, как правило, выбывают из-под контроля кредитора, поэтому предполагается, что главная цель поручительства заключается в создании дополнительных гарантий реального погашения долговых обязательств. Следовательно, доказывание недобросовестности кредитора осуществляется лицом, ссылающимся на данный факт (часть 1 статьи 65 АПК РФ).

Если же заем является внутригрупповым, денежные средства остаются под контролем группы лиц, в силу чего, с точки зрения нормального гражданского оборота, отсутствует необходимость использовать механизмы, позволяющие дополнительно гарантировать возврат суммы финансирования. Поэтому в случае аффилированности займодавца, заемщика и поручителя, на данных лиц в деле о банкротстве возлагается обязанность раскрыть разумные экономические мотивы совершения обеспечительной сделки, в том числе выдачи поручительства. В противном случае следует исходить из того, что выбор подобной структуры внутригрупповых юридических связей позволяет создать подконтрольную фиктивную кредиторскую задолженность для последующего уменьшения процента требований независимых кредиторов при банкротстве каждого участника группы лиц (определение Верховного Суда РФ от 26.05.2017 № 306-ЭС16-20056 (6)).

При рассмотрении настоящего обособленного спора, Общество указало, что заемщиком по обязательству являлся генеральный директор должника-поручителя, а займодавцем — дочь участника должника (впоследствии уступившая свои требования заявителю), то есть как заем, так и поручительство, по мнению общества, имели внутригрупповой характер.

В подтверждение наличия экономической целесообразности заключения обеспечительной сделки, заявитель, позицию которого восприняли суды, отмечал, что стороны заемных отношений в дальнейшем планировали переоформить обязательства в отношения, вытекающие из договора долевого участия в строительстве детского сада в жилом комплексе.

По мнению судебной коллегии, желание в будущем новировать обязательства подобным образом не объясняет целесообразность выдачи поручительства именно на момент предоставления займа. Более того, цель выдачи займа в договоре не указана, расходование полученных денежных средств на указанные цели, о чем заявлено только при рассмотрении настоящего спора, документально не подтверждено. Каких-либо иных мотивов подобного поведения заинтересованными лицами не приведено.

Стороны не пояснили, в том числе, следующее: если заем предоставлялся для финансирования должника в целях строительства детского сада, почему в качестве заемщика выступал директор (не имеющий права самостоятельно осуществлять предпринимательскую деятельность по строительству), не преследовали ли стороны цель усложнить процесс доказывания мнимости займа или обойти правила об оприходовании юридическим лицом полученных денежных средств, принимая во внимание отсутствие обязанности у физического лица вести финансовый учет. Кроме того, общество отмечало, что финансирование привлекалось одним днем от нескольких связанных между собой лиц, то есть фактически в отсутствие каких-либо оснований было раздроблено, до предъявления требований о включении в реестр займодавец не требовал возврата займа либо новирования обязательств и не интересовался судьбой строительства детского сада, что по существу может указывать на фиктивность характера долга, созданного на случай банкротства.

Если «дружественный» кредитор не подтверждает целесообразность заключения обеспечительной сделки, его действия по подаче заявления о включении требований в реестр могут быть квалифицированы как совершенные исключительно с

противоправной целью уменьшения в интересах должника и его аффилированных лиц количества голосов, приходящихся на долю независимых кредиторов (статья 10 ГК РФ). При этом наличия в действиях сторон признаков злоупотребления правом достаточно для отказа во включении требований заявителя в реестр (абзац четвертый пункта 4 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»).

Однако суды в нарушение статей 71, 168 и 170 АПК РФ не дали правовой оценки приведенным доводам Общества, не определили исходя из строгого стандарта доказывания обоснованности требований в деле о банкротстве целесообразность заключения договора поручительства и не проверили, имелись ли в действиях сторон признаки злоупотребления правом.

Таким образом, обжалуемые судебные акты подлежат отмене с направлением дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции для проверки предъявленной ко взысканию задолженности на предмет ее корпоративного характера (дело № А43-10686/2016).